

Клара Коваль

Рассказы со смыслом

6+

Клара Коваль

Рассказы со смыслом

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Коваль К.

Рассказы со смыслом / К. Коваль — «ЛитРес: Самиздат», 2020

О разных героях, о разном времени и со смыслом, который всегда вне времени.

Часть 1. Очень давно, в стране Восходящего солнца...

Встреча.

...И смотрит, смотрит в небо синее.

...Когда я встречу его там,

Он назовет меня по Имени.

из песни.

В зале непривычно темно и непривычно тихо. Впрочем, что тихо, его не удивляет, кто бы посмел сюда придти в отсутствии князя! А вот тьма вызывает не удивление, а совсем другое чувство. Куда более сильное.

– Почему здесь так темно? – спрашивает он и, не дожидаясь ответа, прибавляет: – Немедленно принесите светильники.

– Господин...

– Господин скоро прибудет. И сами знаете, что он с вами сделает за такую небрежность.

Слуга поспешно бросается исполнять приказание. В дверях он сталкивается с каким-то человеком. Причем сталкивается неудачно: потому что сгибается пополам и хватает воздух, перекошенным от боли, ртом.

– Ох... Такенака-сама. Я...

– Ты всегда так носишься? – вошедший смотрит на него с усмешкой.

– Мне приказали... Как можно скорее...

Тот пожимает плечами и проходит мимо слуги. В полумраке он не видит его лица, но, тем не менее, новоприбывший кажется ему знакомым. Осторожная, неторопливая походка, поворот головы, голос... Такой мягкий и такой... Насмешливый?

– Вы один из приближенных князя? – человек подходит к нему, останавливается. И он отчетливо слышит в его голосе новую нотку. Вошедший тоже что-то вспоминает и пытается понять – что именно?

– Я его слуга. – он запинается. Затем прибавляет: – Господин.

Теперь они стоят близко к друг другу. Теперь, не смотря на полумрак, он его видит. Видит: необычное, бледное лицо, скрытое наполовину маской, необычные, похожие на аметист, глаза, волосы... Тоже необычного цвета: белые, с серебристым отливом. "Вполне, возможно, седые, – думает он, но не задумывается почему это возможно, ведь господин еще молод. Впрочем, не еще, а слишком молод!

– Мы не виделись раньше? – Такенака наклоняет голову и в его голосе слышится все та же странная нотка.

– Нет, господин. Я здесь недавно. Всего три месяца.

– Я здесь тоже недавно. – господин улыбается и от этого его лицо кажется нежным. – И бываю редко.

– Очень жаль, господин. – теперь на последнем слове он не запинаяется.

– Почему?

– Потому что князю нужны умные и способные люди. А ты, похоже, более умный и более способный, чем господин Акети Мицухидэ.

Он говорит ему "ты". Но Такенака почему-то даже не удивляется. Только качает головой.

– Как можно судить о таких вещах? Ты меня совсем не знаешь.

– У меня будет время узнать.

Вместо ответа Такенака отправляется к выходу. Он смотрит ему вслед, а когда, уже в дверях, тот оборачивается к нему снова, спрашивает:

– Я могу узнать твое имя, Такенака-сама?

– Может тебе сначала назвать свое? – Такенака опять наклоняет голову к плечу. И это движение кажется ему таким знакомым!

– Князь зовет меня Хидэеси.

– А – другие?

– Ты хочешь называть меня как все?

Такенака молчит. Он подходит к нему и снова заглядывает в глаза. Такие необычные. Такие внимательные.

– Нет, не хочу. Не хочу, Хидэеси. – он умолкает и отводит взгляд в сторону.

– Ты не назовешь мне свое имя?

Такенака улыбается. И вновь смотрит на него. Но теперь его взгляд становится другим. Более пристальным и оценивающим. "Если он достаточно важная особа, – размышляет Хидэеси, – То ему достаточно только слово сказать и меня казнят. Хотя, если он не понимает... Если это для него не так, как для меня... То поделом мне. Пусть казнят."

– Не сейчас. – голос Такенаки звучит тихо. – Подожди, Хидэеси.

– Чего – подождать?

– Время. Оно еще не пришло.

Он отступает и захлопывает за собой створки дверей.

Внизу, во дворе, слышатся голоса. И в коридоре – тоже. Мимо него пробегают испуганные слуги. Значит скоро, здесь будет князь. Но сейчас, впервые, Хидэеси думает не о нем, а о себе. И о времени еще не пришедшем.

Привязанность.

Привязанность возникает из приязни. А приязнь берется из внимания. Сначала кто-то привлекает твое внимание. От других этот кто-то чем-то отличается и тебе с ним хорошо. Как с теплым огнем в очаге или как с чашей вкусного чая, а может, sake. Да, скорее всего, sake. Пьешь его и чувствуешь себя совершенно счастливым. Так и с этим кем-то. Общаешься с ним и чувствуешь себя самым счастливым человеком в мире. А потом, как и после sake, наступает похмелье. И виноват в этом этот кто-то.

Он то сам вряд ли понимает, что творит. Добрый, искренний и такой любящий, он полагает, что поступает правильно. Если люди, так приятны друг другу и так привязаны к друг другу, говорит он, то разве они не должны быть вместе? Вместе проводить время, смеяться, любить... Зачем тогда им нужен еще кто-то, да и весь несчастный мир, раздираемый войной и наполненный страданиями – зачем он нужен? Ведь они сами счастливы! Счастливы!

В один прекрасный день ты начинаешь понимать, что попал в ловушку своей привязанности. И скоро ты лишишься всего, о чем думал и мечтал когда-то. Кто-то прилагает все усилия, что бы все это пошло прахом. Действует, то как сладкий яд, то как отточенная катана, но всегда бьет по одной цели. И это вызывает ужасную боль.

Ты пытаешься что-то изменить. Говоришь о своих мечтах, наивно полагая, что предмет твоей привязанности сможет их понять и принять. Но ни какого понимания нет, только удивление и обида. И снова вопрос: зачем? Зачем тебе нужно тратить жизнь на такие глупости, как спасение мира? Пусть его спасает кто-то другой. У кого нет никого, кто в нем нуждается и любит.

Совет и впрямь хороший. Тебе остается только поблагодарить за него, а так же принять, как руководство к действию. Ты и действуешь, но не так, как ожидает кто-то... Ты просто избавляешься от привязанности.

А потом... Просто удивительно. чего может достичь человек, не связанный больше никакими узами. Да тебя и перестают считать человеком. Твоя сила внушает страх и трепет. Или преклонение, основанное на тех же чувствах. Только один человек относится к тебе иначе.

Недобрый, неискренний и, похоже, совершенно не способный любить. Иногда он начинает задумываться, что же этот человек испытывает к нему. Сила, без сомнения, вызывает у него преклонение. Но в отличии от остальных, она его не пугает. Скорее уж, вызывает восхищение. Это странно. Хотелось бы понять – почему? Но... Он останавливает себя. Внимание –

первая ступень привязанности. А привязанность заводит далеко, делает слабым и уязвимым. Приносит боль. Он не хочет снова быть привязанным к кому-то.

Да и этот человек тоже старательно держит дистанцию. Он превосходный исполнитель... А так же советник. Пока мир в стране не установлен, его можно и нужно использовать. Когда же мир наступит, и наступит скоро, ведь он все силы к этому прилагает, то тогда... Что будет тогда?

Возможно, они больше не увидятся. В мирное время, такие как этот человек, бесполезны. Может, оно и к лучшему. Он убедился уже, насколько тот может быть беспощадным и коварным... Пусть в военных делах, но разве в личных, он не может стать таким? Лучше держаться от него подальше. Тем более дел, где нужно его присутствие – достаточно.

Затем он начинает кое-что замечать. Этот человек не говорит ни слова, но говорят другие. Да и сам он не слепой, видит. Дела, где требуется присутствие этого человека для этого человека просто смертельны. Но он продолжает ими заниматься, потому что не может поручить их другим. Те не справятся, а значит бросить их нельзя.

Ему это что-то напоминает... И вызывает какое-то смутное чувство. Хотя, нет, не чувство. Ощущение чего-то знакомого. Так бывает, когда смотришь в зеркало.

На привязанность к кому-то это не похоже. Это совсем ни на что не похоже! Но он не намерен это терять и не потеряет.

– Хамбэй!

-Что такое, Хидэеси?

– Когда все закончиться, отдохни немного. Думаешь, я не заметил? Ты мне еще пригодишься.

Улыбка.

Улыбка может сказать о человеке многое. Особенно, если тот, кто тебе улыбается, не подозревает об этом. Например, тот же Санада Юкимура. Добрый, доверчивый, бесстрашный! Совсем еще ребенок, он и улыбается так же: радостно и наивно.

А вот у его господина улыбка другая. Такеда Синген улыбается хоть и радостно, но отнюдь не наивно, и в его радости всегда есть доля снисходительности. Он чувствует себя старше остальных, полагает, что знает больше остальных и (что не очень приятно признавать!) это вполне соответствует действительности.

В отличии от Тигра провинции Каи, правитель Этиго улыбается редко. По своей натуре Уесуги Кенсин – человек серьезный и необщительный. Однако, он превосходно воспитан, образован и до тонкостей знает правила этикета. Его улыбка – это знак внимания и любезности к своему собеседнику. Не больше. Но и не меньше! Ведь чтобы стать собеседником Бога Войны нужно очень и очень постараться...

Катакура вздыхает и кладет руку на клинок господина. По сломанному лезвию бегут искры, горячие, обжигающие. Он долго не выдерживает: сила главы драконов тяжела даже для

него. К тому же ему не хочется, чтобы Хамбэй тоже это увидел. Пусть думает, что ему удалось убедить его, что дни Масамунэ-сама сочтены...

Катакура смотрит в окно. Небо уже темнеет, значит скоро Хамбэй явится. Он прислушивается, но по прежнему ничего не слышит. Впрочем, так происходит всегда. Он почему то не может услышать, как Хамбэй идет по коридору. И когда дверь вдруг отъезжает в сторону, Катакура испытывает настоящее потрясение.

"Не привидение же он, в самом деле!" – думает он. Но стоит при этом взглянуть на седые волосы стратега и его белый мундир и сравнение с приведением не кажется ему неудачным. В полумраке комнаты Хамбэй действительно выглядит, как выходец с того света. А уж его улыбка...

Улыбка Хамбэя не выражает радости, снисходительности или любезности. Когда он улыбается, его люди бледнеют и опускают глаза. Они боятся, явно боятся... Чего? Что может вызвать такой страх?

Катакура недовольно хмурится. Сначала Хамбэй тоже одаривал его улыбкой. Теперь – нет. Он смог стереть ее с его лица. Однако... Стоит ли считать это победой? А если стоит – то чьей?

Улыбка может сказать о человеке много.

Иногда – даже слишком много.

Душа воина.

"Меч – душа воина".

В это верили в древности, в это верят сейчас и будут верить в будущем – когда бы оно не наступило и каким бы не оказалось. Катакура Кодзюро тоже верит древней мудрости. Пусть даже от меча, который сейчас лежит перед ним остался лишь обломок, но душа еще пребывает в нем. Как бы стратег Тоетоми не убеждал его в обратном.

Катакура усмехается про себя. Его враг допустил ошибку. На редкость глупую, а значит для умного человека – непростительную. Хотя...

"Как можно не видеть очевидное? – вопрошает Катакура и тут же находит ответ: – Или для него это не очевидно? Он не способен понять Масамуне-сама и для него его меч – только бесполезный и мертвый обломок. Он может держать его в руках, но при этом не может ничего почувствовать и увидеть. Со мной, скорей всего, произошло бы тоже самое, если бы я взял в руки его меч."

Катакура стискивает зубы. Неужели меч Такенаки заслуживает так именоваться? Он больше подходит убийце, чем воину, если во время боя из обычного оружия превращается в такое... Да еще в самый неподходящий момент!

"О чем я думаю? – спрашивает себя Катакура. – Зачем мне его меч? Убедиться, что я не могу его понять? Но это и так ясно! С тем же успехом я мог бы держать меч Нобунаги.

Человеку не дано понять и увидеть душу демона. Разумеется, Такенаке Ханбею до демона далеко, но все же..."

Он резко качает головой, словно рассчитывает отогнать докучливые мысли. И снова смотрит на меч Одноглазого Дракона. И снова вспоминает о душе воина. Вот только теперь Катакура знает, что иногда душу легче держать в руках или в ножнах, чем пытаться ее увидеть... А тем более – понять.

Немного о понимании

Дате Масамуне огляделся по сторонам. Покои Хидэеси, обставленные с варварской роскошью, почему-то напомнили ему не самого владельца, а его стратега. Вполне возможно, Такенака Ханбей бывал здесь достаточно часто. Сидел здесь, склоняясь над столом, изучая карты и отмечая на них места будущих сражений, как сейчас это делал Уесуги Кенсин.

Масамуне тяжело вздохнул. Ему совсем не хотелось думать о Такенаке. Последний раз, когда он его видел, кое-что произошло и об этом "кое-что" – Дракон предпочел бы забыть. Несколько дней, проведенных в непрерывных разъездах и стычках (сражениями столкновения с разрозненными отрядами Тоетоми, он бы не назвал) ему это вполне удавалось. Но теперь, в осаком замке, Дракон снова вспомнил.

Посторонний человек, как и сам Масамуне, счел бы случившееся случайностью, пусть и досадной, но вполне объяснимой. А так как это была случайность, то ее следовало выбросить из головы и забыть. Но, если посторонний человек такое проделал бы с легкостью, то Масамуне – нет. И он сам не понимал – почему?

Тогда после боя с Хидэеси, он наткнулся на берегу на его стратега. Это было несомненной удачей, теперь, без единого командования, армия Тоетоми становилась легкой добычей. Он притащил стратега (в буквальном смысле, идти Ханбей не мог), в свой лагерь и пообещал самолично с ним разобраться, позже, когда закончит с остальными делами. А дел, действительно, оказалось невроворот.

Подкинул ему их Демон Западных Морей, его новый приятель и на данный момент союзник. Он проник в замок Тоетоми Хидэеси, чтобы выручить своих людей и остался там. Как объяснил его посланник – Моточика вознамерился удержать замок до прихода армии Масамуне. Дракону оставалось только выругаться и отправиться вытаскивать своего союзника из серьезной передряги. Вот тогда и произошло это "кое-что".

Дракон, после разговора с посланником Моточики, отправился побеседовать с Кодзюро. Его генерал пребывал в обществе Ханбея и, когда Масамуне к ним подошел, стратег что-то говорил. При этом он смотрел на Кодзюро и в его глазах обычно внимательных и обманчиво спокойных было выражение понимания, как будто он беседовал с очень близким ему человеком. Генерал стоял спиной к Дракону, его лица тот не видел, но то, что Кодзюро не почувствовал его присутствие, говорило о многом. Даже слишком – о многом. Масамуне остановился. До него долетели уже последние слова.

– ...все будет кончено, через несколько часов. Но мне бы не хотелось говорить об этом. – сказал Ханбей.

– Я тоже не намерен об этом говорить. – генерал отвернулся, чтобы уйти и увидел Дракона. – Масамуне?

– Мы выступаем в Осаку. – голос Масамуне прозвучал резко и недовольно.

Кодзюро посмотрел на него с удивлением, но Масамуне сделал вид, что ничего не замечает. Он и в самом деле был недоволен, но не генералом, а собой. Не следовало говорить таким тоном, да и испытывать подобные чувства было глупо. Оставалось только утешать себя тем, что такие же чувства, при таких же обстоятельствах испытывают все. И Кодзюро, между прочим, тоже. Достаточно вспомнить, как его генерал относится к Санаде Юкимора. Он прямо ревнует.

В Осаку они вступили с Уесуги Кенсином. Кодзюро все же убедил его – обратиться за помощью к Богу Войны. Впрочем, Кенсин в любом случае намеревался напасть на Осаку, так что его планы и предложение Дракона совпали. И теперь они были здесь.

– Может Вы хотите поговорить со своим другом? – Кенсин оторвался от карт и взглянул на Масамуне. – Здесь нет ничего интересного. И если Вы хотите уйти...

– Не хочу. – буркнул Дракон.

Кенсин слегка наклонил голову. В его глазах мелькнуло изумление. Очевидно, он считал, что Масамуне отдаст приказ Кодзюро осмотреть тут все, а сам отправится к своему другу праздновать встречу. Кенсин не ошибался. Дракон собирался поступить именно так, но когда оказался в покоях Тоетоми, то вспомнил его стратега, а так же тот понимающий взгляд, устремленный на Кодзюро и передумал. Может быть потому, что сейчас происходило нечто похожее на тот обмен взглядами, между понимающими друг друга, людьми. Кенсин скорее всего, собирался обсудить с его генералом дальнейшую тактику ведения боевых действий и Кодзюро тоже очень хотел, как можно скорее, приступить к обсуждению.

– Масамуне.

– Оставь нас, Кодзюро.

Кодзюро повиновался. Кенсин снова опустил взгляд на карты и на его лице мелькнула усмешка. Дракон подошел ближе.

– И что же такого неинтересного Вы тут нашли? – спросил он.

– А, это. – рука Кенсина скользнула по карте. – Все это относится к прошлому. А людей интересует будущее.

– Без прошлого в будущее не придешь. – в тон ему ответил Дракон. – Так что же?

Кенсин вздохнул.

– Не знаю, стоит ли говорить об этом. – он говорил тихо и слова подбирал неторопливо – Но меня тревожит одно обстоятельство... Вернее, несколько обстоятельств. Связанных с Такенакой Ханбеем.

– И что Вас тревожит?

– План ведения войны, который он разработал, очень опасен. Не понимаю, зачем ему это потребовалось. И как он смог убедить Тоетоми принять подобный план.

– Значит Тоетоми ничего не понимал в стратегии и тактике.

– Но в этом случае, даже у самого непонимающего появятся сомнения. Всеобщая война, да еще с такими затратами средств и предельным напряжением всех сил. Совершенно не похоже на ту тактику, которую Такенака использовал раньше. И очень хорошо использовал, насколько я понимаю.

– Верно.

– Впрочем, Вы сами с ним сталкивались. – Кенсин посмотрел на него. – И, тоже можете судить.

– Да,– усмехнулся Дракон. – Не очень-то она ему со мной помогла.

Кенсин снова отвел взгляд и Масамуне почувствовал себя хуже некуда. Тактика Ханбея едва не отправила его на тот свет. Если бы его не сочли умирающим, то возможно, он уже был бы там. Но говорить об этом с Кенсином Дракон не собирался.

– Вот это меня и тревожит. – проговорил Кенсин. – Он сменил тактику. Но зачем?

– Ну... Мы все совершаем ошибки.

– Да, конечно. Но это очень грубая ошибка. Если он действительно ошибся.

– А Вы думаете, что нет?

Кенсин отрицательно покачал головой.

– Очень похоже, что он просто хотел избавиться от Тоетоми.

– С чего ему от него избавляться? – Дракон даже растерялся.

– Хотя бы с того, что Такенака достаточно честолюбив для этого. Большинство людей с кем я общался, и которые знают его очень хорошо, тот же Маеда Кейджи, отзываются о нем очень плохо. Он скрытен, жесток, не останавливается не перед чем и не считается ни с кем. Некоторые даже уверяют, что именно Такенака стоит за убийством жены Тоетоми. Пусть даже это не так, но тем не менее... не о каждом будут говорить подобные вещи.

– Вы правы.

– Скорей всего он убедил Тоетоми принять подобный план, когда пообещал, что его исполнение немедленно положит конец войне.

– И он смог бы это сделать?

– Не думаю. Один шанс из ста слишком мало, даже для такого талантливой стратега, как Такенака Ханбей. Так что не представляю, что он мог рассматривать подобный план, как осуществимый.

– А, понятно. – хмыкнул Дракон – И чем же ему не угодил его господин, если он решил его так обмануть?

– Вполне вероятно тем, что Тоетоми обходился с ним достаточно пренебрежительно. Он был одним из его генералов и только.

– Он, насколько мне известно, был его стратегом.

– О, только на словах. Тоетоми пользовался конечно его навыками стратега, но так сказать негласно, и Такенака с этого мало что имел.

– Вы думаете его могли перекупить?

– А вот это более чем вероятно. Врагов у Тоетоми хватало и у кого-то из них могла появиться такая мысль...

– У кого, например?

– Например, у Мори Мотонари.

– У Мотонари?

– Да, потому что он достаточно умен, чтобы не пренебречь такой возможностью. И Такенака мог за нее ухватиться. Стать единственным стратегом у Мотонари, куда лучше, чем оставаться с Хидэеси одни боги знают на каком месте и без малейших надежд на повышение. Поэтому я и считаю, что он убедил своего господина принять этот невероятный план, зная что тот хочет как можно скорей положить конец войне.

– Ну, знаете ли...

– Знаю. – вздохнул Кенсин. – К сожалению, слишком много знаю. Когда Вы избавили его от Тоетоми, в его руках оказалась большая часть армии. Так что если бы он оказался с Мори Мотонари...

– Постойте. Я не совсем понимаю. К тому времени Мотонари разорвал договор с Хидэеси и начал мятеж. А Такенака отправился с ним разбираться...

– Верно. Он уехал и оставил Тоетоми Вам. Как гладко все выходит, Вы не находите?

– А по моему выходит мерзко.

– Согласен. Если бы не Санада Юкимора и не ваш генерал, то эти двое непременно бы встретились. И кто знает... – Кенсин встряхнул карты. – Разумеется, здесь нет важных бумаг. Да и кто доверяет такое бумаге.

Дракон глотнул побольше воздуха.

– Чтож, спрошу об этом Такенаку, когда его увижу.

– Спросите. Только вряд ли он скажет вам правду. Мори Мотонари погиб... Так что никаких доказательств его измены у вас нет.

Дверь покоев открылась и вошла шиноби Кенсина. Бог Войны направился к ней. Они обменялись несколькими словами и Кенсин сообщил, что вынужден оставить Масамуне. До следующего утра.

Дракон выбрался за ним следом. И первого кого увидел – Кодзюро

– Тяжелый был день. – сказал он своему генералу. – И компания тоже не из приятных.

– Кенсин может быть очень опасным противником. – заметил Кодзюро.

– Да. – согласился Масамуне. – Тяжело же с ним приходится Такеде! И Санаде тоже придется нелегко.

– Вы чем то расстроены, Масамуне?

– А? Нет.– Дракон запнулся. – Ты вроде достаточно общался с Такенакой?

Кодзюро посмотрел на него с явным недоумением.

– Вы говорили о нем?

– Да, так получилось. Обсудили прошлое, так сказать.

Он пересказал Кодзюро свой разговор с Кенсином. Генерал выслушал, потом спросил:

– И что Вы хотели узнать у меня?

– Даже не знаю. – Дракон помрачнел. – И стоит ли? Я и так его убью, за то что он успел сделать, так зачем мне узнавать, что он сделать не успел?

– Тогда забудьте об этом. – Кодзюро посмотрел на дверь, за которой скрылся Кенсин. – А я с Вашего разрешения пойду.

– И куда это ты собрался? – прищурился Дракон.

– Мне нужно поговорить с господином Кенсином.

– Он просил его не тревожить до утра.

– Чтож, тогда поговорю с ним утром.

– О чем? О Такенаке?

– Да.

– А каким образом это касается тебя?

– Масамуне...

– Ты посоветовал мне забыть о разговоре с Кенсином, а сам, значит, намерен его продолжить?

– Масамуне!

– Кодзюро, я последний раз спрашиваю, каким образом это тебя касается? – в голосе Дракона послышалось уже не раздражение, а гнев. Но Кодзюро это не смутило.

– Я не собираюсь стоять в стороне, когда кого-то обвиняют в измене, без достаточных доказательств. – отрезал он. – если знаю что он не виновен.

– Ты это знаешь?

– Знаю. Поэтому и хочу поговорить с господином Кенсином.

– Может сначала со мной поговоришь?

– Но, господин, Вас это...

– Не касается. – закончил за него Дракон. – Но это почему-то касается тебя. Может мне плевать на Такенаку, но ты то мне не безразличен. Так говори в чем дело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.